

ТЕАТРАЛЬНЫЙ И МУЗЫКАЛЬНЫЙ ВѢСТНИКЪ.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

№ 21.

1 ІЮНЯ 1858.

Выходятъ одинъ разъ въ недѣлю (по воскресеньямъ). | Цѣна 10 руб. въ годъ; съ доставкою на домъ 11 руб. сер. иногородные прилагаютъ за пересылку 1 руб. 50 коп

Подписка принимается: въ Конторѣ журнала, находящейся въ С. Петербургѣ, въ музыкальномъ магазинѣ Ф. Стелловскаго, въ Большой Морской, д. Лауфerta; въ Газетныхъ Экспедиціяхъ; въ Москвѣ, въ музыкальномъ магазинѣ Ленгольда и въ книжномъ Базунова.

Редакція находится въ Офицерской улицѣ, близъ Большаго Театра, въ домѣ Китнера, кв. № 33.

Къ 21-му № прилагаются: Два вальса Шопена, въ 4 руки («deux valse mélancoliques»).

Содержаніе: ДРАМАТИЧЕСКАЯ МУЗЫКА въ ПОЛЬШѢ. — Замѣчательныя пѣвицы. — Переписка Шиллера со своею невестою. — Театральныя и музыкальныя вѣсти изъ разныхъ городовъ Россіи. — Иностранный вѣстникъ. — Музыкальныя извѣстія.

ДРАМАТИЧЕСКАЯ МУЗЫКА въ ПОЛЬШѢ.

АЛБЕРТА СОВИНСКАГО.

Исторію музыки въ Польшѣ можно раздѣлить на три части: 1) *Древняя музыка*, до царствованія Сигизмунда; 2) *Музыка великаго столѣтія (XVI-го)* и слѣдующаго; 3) *Новѣйшая музыка*. Двѣ первыя части занимаютъ обширный періодъ, отъ самаго начала музыки въ Польшѣ до 1764 года. Періодъ этотъ отличался нѣсколькими фазисами, достигъ въ высшей степени совершенства въ XVI столѣтіи, ослабѣлъ съ упадкомъ литературы и уничтожился въ общій гибели; отъ этого блестящаго періода остались нѣсколько забытыхъ церковныхъ произведеній старинныхъ композиторовъ.

Новѣйшая музыка считается съ царствованія Станислава Августа Понятовскаго, съ 1764 г. до нашихъ временъ. Въ продолженіи этого періода польская музыка сдѣлала значительные успѣхи; усовершенствованіе музыкальнаго искусства въ Европѣ имѣло и на нее вліяніе.

Театральныя представленія вошли въ обихъ въ Польшѣ около XVI-го столѣтія. Сначала въ видѣ разговоровъ и религіозныхъ драмъ; потомъ въ XVII-мъ столѣтіи, въ царствованіе Владислава IV, явились классическія трагедіи и наконецъ—итальянская опера.

Въ царствованіе Владислава давались при дворѣ итальян-

нами лирическія представленія. Въ городѣ еще не было театра и представленія давались по временамъ, только по случаю большихъ празднествъ. Еракъ Владислава IV съ Маріей-Луизой Гонзага праздновался съ большимъ великолѣпіемъ. Въ Данцигѣ дана была итальянская опера и балетъ; истрачено сто тысячъ экю для постройки театра, машинъ, декораций; городъ Данцигъ принялъ всѣ огромныя издержки празднества на свой счетъ, выстроена была овальная зала, окруженная галлерейми, вмѣщавшая три тысячи зрителей. Опера данная по этому случаю называлась *Любовныя похищенія Психеи и Купидона*, на итальянскомъ языкѣ въ трехъ дѣйствіяхъ, соч. Пуччинели, съ прологомъ, содержащимъ аллегорическія похвалы въ честь королевы. Послѣ оперы представленъ былъ балетъ *Бѣлый Орелъ*. Орелъ этотъ, окруженный четырьмя черными орлами, на которыхъ сидѣли Амуры и дѣлали разныя эволюціи въ тактъ; аллегорія эта была сочинена сеньорами Лунджи и Болцони, инженерами его величества. По пріѣздѣ королевы въ Варшаву, представлена итальянская комедія, въ Королевскомъ дворцѣ. Послѣ каждого акта слѣдовалъ концертъ, спектакль кончился балетомъ. Маршалша Гебріанъ, сопровождавшая королеву въ Польшу, говоритъ въ своихъ запискахъ, что эти представленія отличались необыкновеннымъ блескомъ и придворная музыка, исполненная лучшими артистами, стоила очень дорого его величеству; при этомъ случаѣ роздано множество подарковъ и назначено нѣсколько пенсій.

Очень интересное описаніе театра можно найти въ запискахъ Адама Ярземскаго, архитектора и музыканта короля Владислава IV; Ярземскій оставилъ также описаніе Варшавы въ 1643 году, прекрасную поэму, въ которой упоминаетъ о нѣкоторыхъ извѣстныхъ въ то время музыкантахъ и органистахъ. Въ царствованіе Іоанна-Казимира, любители сыграли въ первый разъ, на польскомъ языкѣ *Сидя* *)

Прежде того еще нѣкоторыя трагедіи были представлены въ Краковѣ, въ царствованіе Сигизмунда, какъ напр.: *Па-*

*) Трагедія Корнеля, *Сидя*, переведенная польскими стихами была сыграна въ 1661 г. у графа Морецина, главнаго казначея царства польскаго.

мела и *Отъездъ Греческихъ пословъ*, Іоанна Кохановскаго. Впослѣдствіи Венцеславъ Ржевскій, Кастеланъ Кракова, написалъ двѣ трагедіи, заимствоваанныя изъ исторіи Польши. Іосифъ Вибицкій сочинилъ трагедію *Сигизмундъ Августъ*, а Карпинскій трагедію *Болеславъ*. Въ 1801 году явилось полное изданіе польскихъ піесъ, въ 40 томахъ, но было гораздо болѣе переводныхъ піесъ, чѣмъ оригинальныхъ. Въ царствованія Августа II и Августа III, итальянскія оперы давались въ театрѣ Манежа, подлѣ саксонскаго сада, публика *допускалась въ театръ* бесплатно; знатымъ лицамъ посылались приглашенія отъ имени короля. Станиславъ Августъ Понятовскій содержалъ итальянскую оперу; труппа составленная изъ лучшихъ пѣвцовъ и пѣвицъ была замѣчательно хороша для той эпохи. Многіе знаменитые итальянскіе маэстро жили тогда въ Варшавѣ: Паэзіелло, Чимароза, Шуньяли и Виотти. Послѣдній началъ свою музыкальную, карьеру въ Варшавѣ, опредѣляясь второй скрипкой въ итальянскій оркестръ. Паэзіелло отдалъ на театръ свою оперу и свою ораторію въ 1774 г. Первая оригинальная польская опера появилась въ 1778 г. подъ названіемъ *Утѣшенная Бѣдность*, слова аббата Богомолеца, музыка Матвѣя Каменскаго.

Первое появленіе національной оперы прекрасно описано въ статьѣ Алберта Богуславскаго. Для польскихъ композиторовъ открылась новая сфера, богатая миная мелодій, которую стоило разработать. Матвѣй Каменскій, поощренный полнымъ успѣхомъ своей первой оперы, написалъ еще шесть для польской сцены, которыя и были даны въ короткое время. Давали также оперы, переведенныя съ французскаго и итальянскаго. Благодаря неутомимому Богуславскому, польская опера улучшилась подъ его управленіемъ: онъ перевелъ *Ассуръ* Сальери и поставилъ его на сцену такъ великолѣпно, что удивилъ и восхитилъ самыхъ строгихъ знатоковъ, эта прекрасная опера выдержала съ 1793 г. 160 представленій. Но важнымъ событіемъ въ драматическомъ искусствѣ въ Польшѣ была опера Стефани: *Krakowiaki i Gorale* (*Краковцы и Горцы*). Успѣхъ этой оперы, богатой мелодіями и занимательнымъ содержаніемъ, увеличивался съ каждымъ днемъ, не смотря на смутныя времена; ее давали во всѣхъ главныхъ городахъ древней Польши. Эльснеръ, родомъ изъ Сплезіи, пріѣхалъ въ Леополь и сталъ трудиться для своего новаго отечества. Онъ написалъ нѣсколько замѣчательныхъ оперъ, улучшилъ хоры и оркестръ; національная опера переходила изъ Леополя въ Вильну, изъ Люблина въ Краковъ и наконецъ установилась въ Варшавѣ подъ прусскимъ управленіемъ. Новая оперетка Каменскаго *Zośka* (*Софія*), предшествовала возвращенію итальянской оперы; опера Казтани: *Nie każdy spi, co chrapie!* (*Не всякій спитъ, кто храпитъ*)! имѣла также успѣхъ; Казтани, капельмейстеръ Станислава-Августа, написалъ хоры къ трагедіи *Ланасса*, данной на польскомъ языкѣ. Этотъ композиторъ сдѣлался извѣстенъ по своимъ полонезамъ, написаннымъ для оркестра; ихъ до сихъ поръ играютъ въ аптрактахъ, они отличаются живою мелодіей.

Долгое время польская опера состояла изъ короткихъ арій и не посягала на финалы, или большіе *morceaux*

d'ensemble. Заблонецкій, драматическій талантливый поэтъ, первый написалъ либретто, въ которомъ были аріи, дуэты, тріо и хоры; опера называлась *Zośta Szlafiśca* (*Желтый колпакъ*), музыку къ ней написалъ Каменскій. Въ Леополь нѣсколько разъ были даны: *Амазонка*, *Искагаръ* и *Сидней и Зумма*, оперы Эльснера; *Ассуръ*, Сальери, арранжированный для польской сцены и поставленный съ большимъ великолѣпіемъ, доказалъ, что въ Польшѣ могли даваться и большія оперы.

Г-жа Трусколаская, оставшись въ Варшавѣ съ нѣкоторыми артистами, между тѣмъ какъ Албертъ Богуславскій отважно боролся въ Леополь, давала представленія по воскресеніямъ. Возвратившись въ столицу Польши, Богуславскій составилъ новую труппу и открылъ сезонъ оперой *Дянино Дерево*, Мартини, за которой послѣдовали другія, переведенныя съ итальянскаго, какъ напр.: *Король Теодорикъ*, Паэзіелло и *Антрепренеръ въ затрудненіи*, Чимарозы. Съ нѣмецкаго перевелъ: *Похищеніе серала*, Моцарта и *Праздникъ Браменовъ*, Венцеля-Мюллера. Въ началѣ 1799 г. дана опера Эльснера: *Султанъ Валпунъ* и *Волшебная Флейта*, Моцарта. Въ то же время прибыла въ Варшаву новая итальянская опера и пробовала давать представленія. Но опера Винтера: *Прерванная жертва*, данная на польскомъ языкѣ помѣшала успѣху новоприбывшей труппы, которая вскорѣ уѣхала.

Превосходныя произведенія нѣмецкихъ композиторовъ стали болѣе понимать и цѣнить въ Польшѣ, до тѣхъ поръ итальянцы владычествовали безраздѣльно. *La Serva Padrona*, Перголезе, *La Frascatana* Паэзіелло, *Школа ревнивцевъ*, Сальери, *Увѣдомленные философы*, Паэзіелло, *Итальянка въ Алжирѣ*, *Прекрасная садовница* Анфосси и проч. пользовались любовью публики. Французскія оперетки нашли менѣе любителей; однако *Беньовскій*, съ музыкой Боельдье, *Жанна и Бернаръ*, *Амина*, Бертон, были нѣсколько разъ представлены. Композиторъ Албертини, родомъ Итальянецъ, но поселившійся давно въ Польшѣ, написалъ музыку польскаго *Донъ-Жуана*, выгодныя представленія *Прерванной жертвы* подали начало проявленію критики въ Польшѣ. Драматическое искусство нашло судей и даже публика стала вѣрнѣе оцѣнять сценическія произведенія. Лѣсновскій, редакторъ *Варшавской газеты*, первый началъ писать театральныя статьи. Редакторы другихъ варшавскихъ газетъ, отлично составляли разборъ піесъ и въ прочихъ газетахъ встрѣчались статьи хорошо написанныя. Но вообще комедію могли лучше судить, чѣмъ оперу. Возвращеніе польской національной оперы имѣло полный успѣхъ, не смотря на превосходство иностранныхъ композиторовъ, оперы которыхъ давались болѣе 50 лѣтъ.

Въ 1802 г. случилось несчастное обстоятельство: Двѣ молодыя пѣвицы явились съ большимъ блескомъ въ операхъ: *Прерванная жертва* и *Волшебная флейта*; синьоры Стефани и Петрашъ, такъ звали ихъ, умерли скоропостижно почти въ одно время. Дебюты ихъ обѣщали многое; по смерти похитила обѣихъ отличныхъ пѣвицъ.

Въ 1803 г. пробовали ввести въ Варшаву вѣпскій *Kasperle*, но безъ успѣха; дали еще новую оперу подъ назва-

ніемъ: *Жители Камкадала*: слова Дмушевскаго, музыка Эльснера, доказавшаго, что онъ вполне понималъ національный характеръ польской музыки. Это особенно замѣтно въ *трио* и *полонезъ*, заимствованномъ изъ увертюры оперы: *Лодоиска*, Крейцера. Затѣмъ слѣдовали оперы: Паэзіелло: *Il Marchese di Tulipano*, *Водовозъ* и *Пальмира* и *Телемакъ*: но музыка показалась слишкомъ ученой для большей части публики.

Лодоиска произвела впечатлѣніе, несмотря на растянутость дѣйствія и недостатокъ мелодій; переведена на польскій языкъ Богуславскимъ; за *Лодоиской* слѣдовала комическая оперетка Дмушевскаго подъ названіемъ *Siedem razy ieden* (*Семь разъ одинъ*), музыка Эльснера.

Въ 1805 г. послѣдовали снова оперы, переведенныя съ французскаго, итальянскаго и нѣмецкаго. Оперы *Маскарадъ*, Анфосси, въ которую вставили арію Паэзіелло и Чимарозы, совершенно удалась. Въ тотъ же годъ представлена новая опера Эльснера: *Старый Шутъ* и драма *Нурзахадъ*, того же композитора, имѣвшая большой успѣхъ по красотѣ стиховъ и множеству танцевъ. Затѣмъ послѣдовалъ *Тайный бракъ* Чимарозы; музыкѣ послѣдняго всегда удивлялись въ Польшѣ.

Въ 1806 г. Адамчевскій перевелъ съ французскаго оперу-комедію *Фрозина*, музыка Стефани; эта игривая піеска вмѣстѣ съ трехактною оперой Эльснера *Фей Уриела*, очень понравилась и часто игралась, особенно понравилась увертюра, кватюоръ и финалъ перваго акта, произведеніе настоящей фурурь.

Опера Джульени, несмотря на превосходный секстюоръ Албертини, не произвела эффекта. Оперный сезонъ кончился мелодрамой *Судъ Саломона*, музыка Эльснера и оперой Далейрака *Пейштадская Башня*.

1807 годъ начался оригинальною польскою оперой *Андромеда*, вмѣстѣ съ кантатой Л. Озинскаго, музыка Эльснера, написанной въ честь императора Наполеона I, во время пребыванія его въ Варшавѣ. Для этого спектакля не пожалѣли ничего, чтобъ достойно встрѣтить великаго возстановителя Польши; опера и кантата, превосходно исполненныя произвели впечатлѣніе на императора, онъ пріѣзжалъ два раза на эти представленія. Не менѣе понравились *Витрига у окна* Николо, *Ритмейстеръ Горьцкій*, *Стефани*, *Тайное Судилище* Эльснера, *Елена* Мегюля и *Калифъ Багдадскій*, Боельдье. Увертюра къ мелодрамѣ *Слѣпецъ Мечеславъ*, была сочинена Эльснеромъ; эта піеса великолѣпно поставленная понравилась публикѣ, не менѣе возбудила восторгъ другая опера Эльснера, слова графини Лубинской. Піеса эта дана для пріѣзда въ Варшаву короля Саксонскаго. Въ ней замѣчательны: прекрасная увертюра, нѣсколько хоровъ и кантата, въ которой есть прекрасный секстюоръ для сопрано, для трехъ теноровъ и двухъ басовъ.

Въ началѣ 1808 г., дана оперетка Дроздовскаго: *Алишанъ-сатана* музыка Вейнерта, композиторъ первый флейтистъ театральнаго оркестра, прекрасно расположилъ голоса, также понравился дуэтъ для двухъ сопрано: не менѣе имѣли успѣхъ двѣ интермедіи съ музыкой Эльснера, въ которыхъ выказался талантъ баса Журовскаго и его жены

прекрасной актрисы, въ оперѣ того-же композитора: *Мечты и дѣйствительность* увертюра и финалъ произвели большой эффектъ. *Сумасшествіе*, Мегюля и *Папирусъ* Стефани имѣли успѣхъ. Пѣвецъ Дмушевскій дебютировалъ въ *Ахиллессъ* Пера, а г-жа Эльснеръ, жена композитора и его ученица, занимала роль *Бризидды*. Не смотря на волненіе, почти всегда неизбѣжное при первомъ дебютѣ и не много слабый голосъ, г-жа Эльснеръ была радушно принята публикой. Эта пѣвица отличалась прекрасной методой и пріятнымъ голосомъ; она продолжала свои дебюты въ роли *Женевефы*, музыка Мейера и въ роли *Нины*, Паэзіелло, оперы послѣдняяго вообще очень любимы въ Польшѣ.

Сверхъ всякаго ожиданія *Ричардъ—Львиное Сердце*, Гретри не былъ понятъ. Поляки до того напугались итальянской музыкой, что съ перваго раза не поняли всей красоты партитуры Гретри. *Бѣлый Леско*, волшебная опера слова Дмушевскаго, музыка Эльснера дана [была по случаю возвращенія польскихъ войскъ въ столицу и встрѣтила горячее сочувствіе. Въ то же время дана драма: *Освобожденный Римъ* и пропѣта кантата, главныя части которой написаны Эльснеромъ.

(Окончаніе въ слѣдующемъ №).

ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЯ ПѢВИЦЫ.

КАТАРИНА ГАБРИЕЛЛИ (Catarina Gabrielli).

Италія справедливо считается классическою страной пѣнія. Уже болѣе трехъ вѣковъ снабжаетъ она Европу самыми мелодическими, самыми страстными и въ высшей степени симпатическими голосами. Особенно, начиная съ прошлаго столѣтія, она можетъ гордиться множествомъ виртуозовъ высшаго разряда, къ числу которыхъ безспорно принадлежитъ артистка, имя которой мы только что выставили въ заглавіи нашей статьи.

Въ этой пѣвицѣ все заслуживаетъ особеннаго вниманія; рѣдко можно встрѣтить жизнь болѣе занимательную, болѣе полную случайностей и разнообразныхъ приключеній.

Катарина Габриелли родилась въ Римѣ въ 1730 г., съ самаго ранняго дѣтства открылись въ ней большія способности къ музыкѣ и пѣнію, но отецъ ея, поваръ князя Габриелли, не имѣлъ средствъ развитію счастливыхъ способности ребенка. Изрѣдка только, освобождаясь отъ ежедневныхъ занятій, могъ онъ сбросить съ себя предвѣтъ классическій бѣлый колпакъ и свести свою дочь въ оперный театръ. Молоденькая Катарина съ тактомъ истинной артистки умѣла различать въ музыкѣ хорошее отъ посредственнаго и дурнаго; все хорошее производило въ ней самое глубокое впечатлѣніе. Ей довольно было слышать одинъ разъ какую-нибудь арію, чтобы, воротясь домой, повторить ее отъ начала до конца. Выразительность и изящный вкусъ исполненія уже тогда указывали въ ней будущую оперную знаменитость.

Необыкновенный голосъ рѣже всего можетъ долго оставаться въ неизвѣстности, особенно въ Италіи. Голосъ Ката-

рины принадлежалъ имѣнно къ числу такихъ и потому не мудрено, что положеніе ея вскорѣ перемѣнилось. Князь Габріелли, гуляя въ своемъ саду, услышалъ однажды необыкновенно-пріятное пѣніе;—молодой голосокъ пѣлъ одну довольно-трудную арію изъ оперы, которую давали наканунѣ. Одаренный тонкимъ слухомъ и притомъ превосходно понимающая музыка, князь не могъ не оцѣнить достоинствъ исполненія. Желая узнать, кому принадлежитъ такой очаровательный голосъ, князь обратился къ одному изъ своихъ слугъ и спросилъ:

- Кто это поетъ?
- Дочь нашего повара, ваше сіятельство.
- Можетъ ли быть? съ удивленіемъ произнесъ князь.
- Вашему сіятельству легко увѣриться въ справедливости моихъ словъ.
- Какой ей годъ?
- Четырнадцать лѣтъ.
- И хороша она собой?
- Она навѣрно будетъ красавицей.
- Въ такомъ случаѣ поваръ мой можетъ справедливо гордиться такою дочерью,—я непремѣнно скажу ему объ этомъ.

Вслѣдъ за тѣмъ князь велѣлъ привести къ себѣ молоденькую Катарину и заставилъ ее пѣть все, что она только знала. Оказалось, что лакей былъ правъ:—молодая дѣвушка общалась очень-миловидною, хотя черты ея лица и не отличались особенною правильностью. Веселое, выразительное лице, взглядъ полный огня, прекрасное тѣлосложеніе, изящная, благородная осанка,—вотъ что нашелъ князь Габріелли въ заинтересовавшей его дѣвушкѣ. Находя въ ней большой талантъ, князь немедленно рѣшилъ запясть ея музыкальнымъ образованіемъ.

Молодая дѣвушка очень-скоро сдѣлалась замѣчательной пѣвицей. Знаменитый Парпора съ увлеченіемъ занялся усовершенствованіемъ природныхъ способностей Катарины и вскорѣ она вызвала всеобщія похвалы знатоковъ, съ любопытствомъ являвшихся на концерты, которые князь устраивалъ нарочно для нея. Въ непродолжительномъ времени весь Римъ заговорилъ о необыкновенныхъ способностяхъ дочери повара князя Габріелли. Говоря объ ней, всѣ привыкли называть ее именемъ князя и вотъ почему она и впоследствии послала это громкое имя.

Когда ей минуло семнадцать лѣтъ, она выступила въ первый разъ на Лукскомъ театрѣ въ *Софонизбу* Галуппи. Успѣхъ ея дебюта принадлежалъ къ числу самыхъ блестящихъ. Гуадагни, одинъ изъ лучшихъ сопрано той эпохи, сильно увлекся способностями молодой пѣвицы и съ радостью взялся сообщить ей то, чего она не могла бы достигнуть иначе какъ посредствомъ большаго труда. Превосходная метода и многолѣтняя опытность этого пѣвца принесли много пользы таланту юной артистки, которая, какъ говорятъ, съ-умѣла быть благодарною своему наставнику, такъ что за то и онъ нимало не позабавовалъ ей, когда быстрый и рѣшительный успѣхъ дебютантки поколебалъ даже его старинную извѣстность.

Имя Габріелли было уже извѣстно во всей Италіи, ко-

гда въ 1750 году она пріѣхала въ Неаполь. Для дебюта она выбрала оперу *Метастазіо*, *Дидону*, и рѣшительно очаровала всю публику;—особенно произвела большой фуроръ арія: *Son regina et sono amante*. Продолжительныя рукоплесканія, многочисленные вызовы, импровизированныя сонеты, наконецъ всѣ способы выражать восторгъ—съ перваго разу поставили дебютантку въ число самыхъ блестящихъ исполнительницъ опернаго пѣнія.

Вскорѣ послѣ того она оставила Италію и отправилась въ Вѣну, гдѣ Императоръ Францискъ I удостоилъ ее званія своей придворной пѣвицы. Этимъ апгажементомъ она одолжена была Метастазіо, подъ руководствомъ котораго еще-болѣе усовершенствовалась въ лирической декламации.

Современные лѣтописцы приписываютъ Габріелли цѣлый рядъ романическихъ приключеній и множество болѣе или менѣе невѣроятныхъ анекдотовъ. Вѣрно только одно,—а именно, что слава и красота пѣвицы доставили ей много поклонниковъ изъ числа особъ высшаго круга, да еще то, что она всегда обращалась съ ними съ самою невѣроятно небрежностью, если не сказать—съ презрѣніемъ. Говорятъ, что она нарочно заставляла ихъ дожидаться своего выхода, но справедливость требуетъ прибавить, что такая невѣжливость была въ то время въ большомъ ходу между италіянскими пѣвицами; такъ напр. у Бригиты Бапти самыя знатныя господа, случалось, по два часа ожидали пріема.

Что касается до Габріелли, то не всѣ одинаково-смирненно сносили ея капризы. Въ подтвержденіе того мы можемъ рассказать объ одномъ происшествіи, которое легко могло имѣть для нея самую печальную развязку. Французскій посланникъ, очень-часто бывавшій у Габріелли и вѣроятно всегда хорошо принятый, узналъ какъ-то стороною, что она назначила свиданіе другому своему поклоннику, посланнику португальскому. Увѣрясь въ томъ, что это дѣйствительно такъ, Французъ рѣшился отомстить и для того, подкупивъ служанку, пробрался въ день свиданія въ комнату, смежную съ будуаромъ пѣвицы. Изъ этой комнаты онъ легко могъ слышать все и окончательно убѣдился въ предпочтеніи, оказанномъ его сопернику. Едва тотъ ушелъ, какъ Французъ съ ожесточеніемъ бросился къ измѣнницѣ, осыпалъ ее упреками и наконецъ, недовольствуясь словами и рѣшительно впѣвъ себя, обнажилъ шпагу съ намѣреніемъ заколотъ жертву своего гнѣва. Къ счастью плотный корсетъ спасъ Габріелли отъ смерти; рана была самая ничтожная, но тѣмъ не менѣе она образумила ревнивца.

Въ смущеніи отъ того, что позволилъ себѣ до такой степени забыть, посланникъ употребилъ всѣ усилія получить прощеніе, но получилъ его только на томъ условіи, что отдастъ свою шпагу. Пѣвица непремѣнно хотѣла имѣть ее у себя и даже дать вырѣзать на пей слѣдующую надпись: *Шпага г-на М***, осмѣливагося ударить Габріелли*. Къ счастью въ это время пришелъ Метастазіо;—съ нимъ вмѣшался въ дѣло и шпага была возвращена.

Пребываніе Габріелли въ Вѣнѣ доставило ей очень-значительныя суммы денегъ. Она была самою любимой пѣвицею; Императоръ ѣздилъ въ оперу только тогда, когда она участвовала въ спектаклѣ. Вѣсть объ отъѣздѣ ея въ Ита-

лію произвела глибоке сожалѣніе въ вѣпскихъ дилетантахъ. Молодые люди лучшихъ фамилій вызвались составить депутацію, которая явилась къ пѣвицѣ съ просьбою остаться еще на нѣсколько недѣль. Но пѣвица была неумолима:—ей слишкомъ-сильно хотѣлось вернуться въ Италію.

Изъ множества анекдотовъ, рассказанныхъ о Габріелли въ *Biographie des Contemporains*, Альфонса Рабба, мы сообщимъ читателямъ только слѣдующій: «Въ 1765 г. Габріелли поѣхала въ Палермо, гдѣ и пробыла около двухъ лѣтъ, постоянно чаруя публику своимъ пѣніемъ и игрою и въ тоже время удивляя всѣхъ своими эксцентричностями. Однажды энтузіазмъ, возбужденный ею, доставилъ ей честь быть приглашевною на обѣдъ къ вице-королю. Въ назначенный день ее ждутъ, но она не является; вице-король посылаетъ узнать, отчего она не ѣдетъ, и что-же?—посланный находитъ ее въ постели, съ книгою въ рукахъ. Дѣло въ томъ, что ей пріятнѣе казалось заставить себя ждать, нежели быть на обѣдѣ у вице-короля. Сколько ни просили, —она отвѣчала все одно и то же:—я больна, я не могу выйти изъ дому. Между тѣмъ вечеромъ того же дня она явилась въ театръ, пѣла свою роль и надо сказать, пѣла съ умышленной небрежностью. Вице-король разсердился на-пашутку и послалъ ей сказать, что если она будетъ продолжать капризничать, то ее посадятъ въ тюрьму. Въ отвѣтъ на это, она отказалась пѣть. Угроза была исполнена:—пѣвицу отвели въ долговую тюрьму, хотя при этомъ сдѣлали все, чего можно было ожидать отъ народа, который умѣетъ цѣпить музыку и любить ея исполнителей. Она пробыла въ тюрьмѣ двѣнадцать дней и все время роскошно угощала другихъ заключенныхъ, каждый день выкупала нѣсколькихъ изъ нихъ и каждый вечеръ пѣла для нихъ, да притомъ съ такимъ одушевленіемъ, такъ очаровательно, что многіе, выкупленные ею, предпочли остаться въ тюрьмѣ. Кромѣ того она пожертвовала большія суммы для раздачи бѣднымъ изъ тюрьмы, такъ что, когда голосъ публики заставилъ вице-короля дать ей свободу, множество бѣдняковъ съ триумфомъ проводили ее домой.»

Изъ Палермо Габріелли отправилась въ Парму и здѣсь провела лучшее время своей жизни. Едва она явилась ко двору, какъ уже нашла себѣ поклонника въ особѣ послѣднаго пармскаго принца, Филиппа; онъ такъ страстно влюбился въ нее, что приближенные рѣшительно боялись за его разсудокъ. Будучи отъ природы ревниваго, мрачнаго и недовѣрчиваго характера, принцъ перѣдко держалъ пѣвицу взаперти нѣсколько дней. Габріелли выходила изъ себя, но въ то же время находила удовольствіе еще-болѣе разжигать его ревность и какъ-бы наслаждалась неистовыми выходками принца; она не щадила для него даже самыхъ горькихъ сарказмовъ, самыхъ унижительнохъ насмѣшекъ. Однажды, въ минуты ревности, принцъ велѣлъ отвести пѣвицу въ тюрьму, и что же?—тюрьма оказалась однимъ изъ дворцовъ *Тысячи и одной ночи*. Роскошнѣйшая мебель, великолѣпные ковры, множество слугъ, лучшія блюда и вина ждали кокетливую Габріелли въ этомъ временномъ заключеніи. Наслажденіе своимъ торжествомъ, музыка и пѣніе были достаточнымъ развлеченіемъ для нѣсколькихъ

дней. Кокетка была увѣрена, что принцъ недолго выдержитъ ея отсутствіе,—и дѣйствительно:—принцъ явился къ ней, умоляя о прощеніи. Габріелли долго не прощала, пока наконецъ принцъ, со слезами на глазахъ, бросился на колѣни, и тогда она заключила миръ.

Кончилось однако тѣмъ, что Габріелли паскучило имѣть дѣло съ человекомъ, который вѣчно сторожитъ ея дѣйствія, и она убѣжала;—это случилось въ 1768 году.

Въ то же время ей предложили великолѣпный ангажементъ въ Лондонѣ; тамъ ожидали ее слава и богатство, но она отказалась. «Тамъ, сказала она, мнѣ нельзя будетъ капризничать; если мнѣ вздумается отказаться пѣть, народъ убьетъ меня. Лучше жить тамъ, гдѣ я могу быть спокойна, или отдѣлаться нѣсколькими днями тюрьмы.»

Вскорѣ ей предложили ѣхать въ Петербургъ. Она запросила 10,000 рублей въ годъ, сумму очень-значительную для того времени, но которую ей все-таки согласились дать.

По возвращеніи въ Италію, Габріелли устроила себѣ доходъ въ 20,000 ливровъ, но привычка къ роскоши съ теченіемъ времени уменьшила этотъ доходъ. Съ другой стороны излишняя страсть къ театральнымъ торжествамъ не позволила ей оставить сцену. Притомъ же, несмотря на пятьдесятъ лѣтъ и постоянно-разгульную жизнь, Габріелли сохранила еще всю чистоту, блескъ и силу своего голоса. Въ Миланѣ, въ 1780 г., Габріелли въ первый разъ должна была отказаться отъ первенства и признать себѣ соперницу въ лицѣ пѣвицы Маркези. Образовались двѣ партіи, однаково страстныя, исключительныя и пропихнутыя фанатизмомъ. Не только внутри театра, но и въ другихъ публичныхъ мѣстахъ, слышались крики, споры и угрозы яростныхъ антагонистовъ, такъ что перѣдко бывало необходимо вмѣшательство полиціи.

Миланомъ окончилась театральная карьера Габріелли. Она сошла со сцены прежде нежели ея талантъ потерялъ въполнѣ свое прежнее обаяніе и уѣхала жить въ Римъ, видѣвшій ея дѣтство, но и тутъ еще сохраняя свою прежнюю роскошь и даже въ частной жизни оставаясь немного театральной принцессой. Въ путешествіяхъ своихъ она любила возить съ собою множество слугъ и всегда имѣла при себѣ курьера, который долженъ былъ заранѣе заготовлять лошадей для ея кареты. Это тщеславіе почти наравнѣ съ ея талантомъ сдѣлало ее имя популярнымъ во всей Италіи.

Послѣдніе годы своей жизни она провела въ Римѣ довольно-пріятно. Остепенившись съ годами, она стала вести болѣе-порядочную жизнь и потому легко составила себѣ нѣсколько знакомствъ въ высшемъ кругу римскаго общества. Съ нею же поселилась въ Римѣ ея старшая сестра, постоянная спутница ея на всѣхъ театрахъ;—амплуа ея были второстепенныя роли. Габріелли сохранила также свою благотворительность и въ воспоминаніе своей театральной карьеры, частенько давала концерты, въ которыхъ однако рѣдко позволяла себѣ пѣть.

Габріелли умерла въ 1796 году, до конца сохранивъ умъ и оригинальность свою въ обращеніи и разговорѣ.

Голосъ Габріелли, удивительно-обширный и гибкій, особенно отличался высшими нотами своего регистра. Кромѣ

того Габріелли была очень-хорошею актрисою; въ числѣ итальянскихъ лирическихъ пѣвицъ мало такихъ, которыя имѣли равный съ нею и столь же продолжительный и по-стоинный успѣхъ.

Между тѣмъ справедливость требуетъ сказать, что капризы, эксцентричности и похождения этой пѣвицы составляютъ большую часть причинъ ея извѣстности. Габріелли представляетъ намъ лучшій образецъ тѣхъ исключительныхъ натуръ, которыя и въ частную свою жизнь перенесли со сцены лихорадочную живость ощущеній. Въ настоящее время такія личности почти-совсѣмъ исчезли;—это уже не дѣйствительность, а преданіе,—но преданіе, которое безспорно имѣетъ свой интересъ.

ПЕРЕПИСКА ШИЛЛЕРА

СО СВОЕЮ НЕВѢСТОЙ.

(Окончаніе).

18 сентября, Шиллеръ пріѣхалъ въ Рудольштаатъ и пробылъ тамъ восемь дней. Тотчасъ послѣ отъѣзда снова началась дѣятельная переписка, но роли уже перемѣнились: Шиллеръ, вѣчно занятый литературными произведеніями, пишетъ только небольшія записки, между тѣмъ какъ Шарлотта даетъ полную волю благородному и высокому чувству любви къ своему жениху. Въ самый день его отъѣзда, она пишетъ слѣдующее:

«Да хранишь тебя ангелъ нашей любви. Какъ измѣнились—и твое прибытіе и твой отъѣздъ, съ тѣхъ поръ какъ я пріобрѣла увѣренность что мы встрѣтимся такими же, какъ разстались; что любовь наша продолжится всю нашу жизнь. Прежде я всегда съ безпокойствомъ смотрѣла на твой отъѣздъ, потому что не была увѣрена, что память обо мнѣ сохранится въ твоей душѣ, что какая-нибудь другая женщина не попробуетъ вытѣснить меня изъ твоего сердца. Ожидая твоего пріѣзда, я боялась, что во время разлуки чувства твои измѣнились, что ты пріѣдешь ко мнѣ иной чѣмъ былъ. Всѣ эти безпокойства теперь навсегда исчезли и увѣренность въ тебѣ облегчаетъ чувство нашей разлуки. Между тѣмъ, безъ тебя, мнѣ всегда многого недостаетъ, точно лучшая часть моего существа уѣхала вмѣстѣ съ тобою.

«Все пусто и мертво вокругъ меня съ тѣхъ поръ какъ я не вижу больше твоего благороднаго лица, по образъ твой всегда ясенъ въ моемъ сердцѣ и я всюду вижу его отраженіе. Ты самъ чувствуешь, какъ дорого было для насъ твое посѣщеніе, благодаря судьбѣ, которая устроила наше свиданіе;—это было сладостное предвкушеніе нашей будущей жизни вдвоемъ. Каждый день дѣлается лучше и лучше вслѣдствіе нашей любви. Сознаешь-ли ты теперь, сколько я тебя люблю. Вся моя жизнь сосредоточилась въ ощущеніи, что мы принадлежимъ одинъ другому. Твоя любовь—средоточіе свѣта и тепла моей жизни; все другое направлено сюда и заимствуетъ отсюда свой свѣтъ, я не имѣла никакого понятія о такомъ существованіи, и напрасно старалась отыскать въ жизни интересъ, который мо-

жетъ дать одна любовь. Новый, прекрасный міръ открылся предо мною съ тѣхъ поръ какъ моя душа живетъ однимъ тобою.

Лотта».

Шиллеръ отвѣчаетъ письмомъ, въ которомъ извѣщаетъ, что ему предложили быть профессоромъ во Франкфуртѣ. Между тѣмъ какъ Шарлотта въ своихъ письмахъ изливаетъ всю свою душу, онъ думаетъ только о средствахъ къ вѣчному соединенію съ своею возлюбленною: 24 октября Шарлотта пишетъ между прочимъ слѣдующее:

«О, какъ длинны кажутся мнѣ тѣ утра, когда я жду твоихъ писемъ! Какъ все пусто и скучно безъ тебя! Мною часто овладѣваетъ какое-то невыразимое волненіе—мнѣ какъ будто хочется подняться и полетѣть къ тебѣ! Ахъ, какое блаженство, что я могу тебѣ все это говорить и писать! Сколько разъ подобныя чувства бывали у меня прежде чѣмъ мы объяснились, и я не могла не только тебѣ ихъ рассказать, но даже признаться самой себѣ.

«Я хорошо знаю, что моя кажущаяся холодность часто отталкивала тебя, мой милый, обожаемый другъ. Я не могла сказать тебѣ, сколько я тебя люблю: я боялась быть нескромною. Въ Веймарѣ я могла напомнить тебѣ о себѣ только какъ твоя знакомка, рѣшительно наравнѣ со всѣми другими. Чѣмъ болѣе мое сердце влекло меня къ тебѣ, тѣмъ болѣе моя застенчивость препятствовала мнѣ выдаться впередъ. Съ тѣхъ поръ какъ ты былъ у насъ здѣсь, годъ тому назадъ, душа моя много разъ терзалась недо-вѣріемъ. Мнѣ казалось, что Каролина больше для тебя значить, чѣмъ я; что я не необходима для твоего счастья. Ты видишь изъ этого, мой другъ, что я была вправдѣ недо-вѣрять самой-себѣ и стараться казаться равнодушною. Люди болѣе увѣренные въ себѣ можетъ быть счастливей; иногда мнѣ хотѣлось бы быть иною, но несмотря ни на что, частица недо-вѣрчивости, остается постоянно. Когда я была маленькою, у меня была склонность къ кокетству—недостатокъ, который, если бы я не исправилась, могъ бы сдѣлать меня рѣшительно неспособною. Накопецъ все же лучше быть излишне скромнымъ, нежели излишне самопадѣинымъ. Но оставимъ это... сколько еще намъ предстоитъ открыть другъ-въ-другъ! Какъ пріятно мы будемъ жить, изучая одинъ другаго, гармонизируя наши два существа!...»

Конецъ письма наполненъ подробностями о Каролинѣ, которая была въ то время нездорова.

ШИЛЛЕРЪ КЪ ШАРЛОТТѢ.

«Не нужно болѣе красивыхъ записокъ (такія записки означали холодность и размолвку); отъ меня ты не получишь ихъ ни одной. Ты не могла быть иною чѣмъ была, и если я самъ не былъ тѣмъ, чѣмъ долженъ былъ быть, то это произошло отъ того, что я вовсе не имѣю о себѣ того высокаго понятія, будто бы я могу одерживать побѣды однимъ своимъ присутствіемъ. Безъ помощи Каролины я могъ бы еще долго видаться съ тобою, не осмѣливаясь и надѣяться—быть когда-нибудь для тебя больше чѣмъ другомъ. Признаться-ли тебѣ?—я не считалъ тебя совершенно свободною. Я подозрѣвалъ, что ты связана уже словомъ, и эта мысль мѣшала мнѣ—раньше открыть тебѣ свое сердце.

«Впрочемъ бросимъ прошедшее и будемъ говорить, мой другъ, только о будущемъ.

«Да, жизнь наша всегда будетъ прекрасною гармонією; наши сердца всегда будутъ оживляться новыми и новыми радостями. Любовь неистощима въ своихъ произведеніяхъ, а наша пылаетъ вѣчно-прекраснымъ огнемъ души, ищущей постоянного усовершенствованія.

«О, видѣть себя въ такомъ любящемъ сердцѣ какъ твоё—составляетъ единственное блаженство моей жизни. Душа моя не можетъ теперь прилѣпиться больше ни къ чему; но это опять слѣдствіе [моей любви: имѣя васъ, я надѣюсь снова найти интересъ въ другихъ жизненныхъ радостяхъ; безъ васъ, я увѣренъ, что онѣ не будутъ имѣть для меня никакой цѣны.

«Надо, чтобы ты писала ко мнѣ какъ можно больше. Твоей чередъ давать мнѣ болѣе, чѣмъ могу дать я; впрочемъ все, что ты мнѣ дашь, будетъ капиталомъ, который я возвращу тебѣ съ хорошими процентами. Да, я увѣренъ, ты сдѣлаешь такъ, потому что знаешь что это меня радуетъ. Надо чтобы твоя душа показывалась мнѣ совѣсть своихъ сторонъ. Мнѣ никогда не будетъ довольно слышать, что ты думаешь обо мнѣ, и что я всегда подлѣ тебя. Мысль, что ты принадлежишь мнѣ, что мы неразлучны съ тобою, при каждомъ повтореніи погружаетъ меня въ новый восторгъ!...

Шиллеръ».

ШИЛЛЕРЪ КЪ ШАРЛОТТѢ.

Поэтъ говоритъ сначала о своемъ примиреніи съ Рейнгалдомъ и свиданіи съ Виландомъ и потомъ продолжаетъ:

«У меня сейчасъ былъ Шульцъ, недавно пріѣхавшій изъ Парижа. Онъ разсказалъ мнѣ много подробностей о возстаніи въ Версали, которыя сильно тронули меня, но я перучаюсь за ихъ достовѣрность.

«Шульцъ увѣряетъ, что видѣлъ Короля, когда ему поднесли кокарду. Онъ держалъ ее въ рукѣ,—другая же была въ жилетномъ карманѣ и придерживала шляпу. Народъ сталъ аплодировать; Король, думая что и ему слѣдуетъ дѣлать то же, не звалъ какъ и быть, потому что обѣ руки были заняты. И что же онъ сдѣлалъ?—онъ захватилъ кокарду губами и началъ сколько было силъ аплодировать.

«Неправдали, какое присутствіе духа въ такія минуты? Вы можете разсказать это при дворѣ,—и навѣрно будете имѣть успѣхъ!

«Другой разъ, говоритъ Шульцъ, Король собирался сѣсть въ карету; вдругъ какая-то пуасардка схватываетъ его за руку и говоритъ фамиллярнымъ тономъ: «Ну что же государь, мы можемъ разсчитывать на васъ?»

«Шульца чуть не повѣсили. Въ день возстанія, при выходѣ изъ Палерояля, толпа пьяныхъ простолюдиновъ приняла его за Англичанина и заставила идти съ собою. Онъ пошелъ, но по дорогѣ встрѣтили они еще нѣсколько иностранцевъ и когда тѣ отказывались слѣдовать за ними, какой-то Савояръ закричалъ: «Что же, господа, неужто вы не хотите ничего сдѣлать для человѣчества!» Пользуясь этою задержкою, Шульцъ бросилъ свое ружье и убѣжалъ.

«Въ Версали, въ день возстанія, народъ разграбилъ все съѣстное что было во дворцѣ. Въ суматохѣ Король

забылъ о завтракѣ, и другіе забыли о королѣ, но къ полдню опасность миновала и Король почувствовалъ голодъ. Онъ потребовалъ себѣ курицу и стаканъ вина, но и этого не могли нигдѣ найти. Принуждены были подать королю только хлѣба и стаканъ подслащенного вина; Король помогъ хлѣбъ въ винѣ, съѣлъ его и выпилъ вино. Не правда-ли, это трогательно?

Шиллеръ».

ШИЛЛЕРЪ КЪ КАРОЛИНѢ (во время болѣзни ея въ Эрфуртѣ).

«Какая для меня радость, моя милая Каролина, получить извѣстіе о твоёмъ выздоровленіи и какъ я радъ, что небо даровало его тебѣ! О, я чувствую, что могу сдѣлаться жестокимъ и желать отнять у другихъ здоровье, чтобы отдать его тебѣ. Развѣ природа не дѣлаетъ того же самаго? Сколько растений гибнетъ для пользы человѣка! Почему же не умѣретъ какому-нибудь низкому существу, чтобы его жизнью процвѣла жизнь другого благороднаго существа!

«Я провелъ, Каролина, два или три счастливыхъ дня, и по этому случаю наблюдалъ свое сердце. Вещь, которая не общалась ничего, вдругъ въ минуту вдохновенія превратилась подъ моимъ перомъ въ нѣчто такое, что я самъ удивляюсь, до сихъ поръ я еще ничего не писалъ такого, какъ это, развѣ только пылкость моей головы заставляетъ меня ошибаться въ моемъ сужденіи. Еще никогда я не соединялъ столько мыслей въ такой удачной формѣ, и еще никогда не украшалъ такъ произведенія своего ума красками своего воображенія. Ты будешь смѣяться надо мною за этотъ автопаннигирикъ, но я говорю о себѣ какъ о человѣкѣ постороннемъ, потому что, въ этомъ сочиненіи, я сдѣлался для себя чѣмъ-то совершенно новымъ и чуждымъ. Мнѣ досадно только, что ты не сможешь понять всю прелесть моего труда, потому что для того тебѣ недостаетъ точныхъ подробныхъ знаній исторіи и политики. Я въ первый разъ почувствовалъ теперь, что въ Германіи никто не могъ бы этого написать.

«Эго духовное удовольствіе связано со всѣмъ, что только есть у меня самаго дорогаго. Когда я встрѣчаюсь съ собою въ чѣмъ-нибудь великомъ, когда уваженіе къ себѣ во мнѣ увеличивается, я радуюсь мысли, что я дѣлаюсь болѣе достойнымъ вашего уваженія и что я больше понимаю внушаемую мною любовь. Когда увѣренность въ самомъ себѣ увеличивается въ моемъ умѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ увеличивается увѣренность моя въ вашей любви;—вотъ почему я прощаю себѣ самоувѣренность. Ахъ, сколько небесныхъ часовъ предстоитъ намъ провести вмѣстѣ, моя милая Каролина, когда моя душа, возбужденная удачнымъ твореніемъ, дастъ моей любви пламя вдохновенія, и когда ваша любовь придастъ моему уму огонь и жизнь. Сколько минутъ поэтическаго вдохновенія провелъ я [вчера и третьяго дня въ моемъ совершенномъ уединеніи! сколько могъ бы я дать вамъ въ эти минуты и сколько могъ бы получить отъ васъ!

«Даже вдали отъ васъ мое одушевленіе поддерживается только вашей любовью; мои умственные труды могутъ очаровывать только тѣмъ, что вашъ образъ отражается въ нихъ въ каждомъ словѣ!

Шиллеръ».

Конецъ.

ТЕАТРАЛЬНЫЯ И МУЗЫКАЛЬНЫЯ ВѢСТИ ИЗЪ РАЗНЫХЪ ГОРОДОВЪ РОССІИ.

На сценѣ Нижегородскаго театра появились въ недавнее время два драматическихъ таланта г. Милославскій и г-жа Васильева. Піесы, въ которыхъ г. Милославскій съ большимъ успѣхомъ игралъ, были слѣдующія: въ *Гамлетѣ*, *Денщикѣ*, *Кларѣ Добервилѣ*, *Старой мышь* и *Кречинскомѣ*, но лучше всѣхъ изъ этихъ піесъ г. Милославскій былъ въ *Гамлетѣ*, онъ передалъ эту трудную роль прекрасно, не смотря на то, что въ роли было очень много пропусковъ; королеву играла г-жа Вышеславцева, актриса очень хорошая и опытная, одаренная вкусомъ и талантомъ, роль Офеліи была не по силамъ г-жѣ Педновой, потому что она прежде болѣе занимала ампула въ водевиляхъ. Наконецъ, въ бенефисъ г-жи Васильевой даны были піесы «*Далила*», октава Фелье пер. съ фр. «*Я объдаю у маменьки*» и еще *Милые бранятся только тѣшатся*, г-жа Васильева была во всѣхъ разнообразныхъ роляхъ безукоризненна и заслужила единогласное одобреніе нижегородскихъ любителей театра.

Въ слѣдующемъ номерѣ помѣстимъ письмо одного любителя о Минскомъ театрѣ, который существуетъ очень давно. Между артистами болѣе замѣчательны здѣсь г-жи Плонская, д-ца Пулянь недавно прибывшая изъ Вильны, Дроздовичъ, Балевицъ и г. Мондшейнъ, д-ца Пулянь особенно замѣчательна въ *Материнскомъ благословеніи*, гдѣ она въ роли Маріи, неподражаема, и въ драмѣ «*Андріеннъ Лекувереръ*» въ роли княжны, которую она исполняетъ съ большимъ чувствомъ.

Симбирское дворянство въ нынѣшнемъ году, особенно расположено было къ благотворительности, дано было два концерта въ Дворянскомъ Собраніи, въ пользу бѣдныхъ города и въ пользу православныхъ обитателей на востокѣ, при содѣйствіи г. начальника губерніи, въ концертахъ участвовали цвѣтъ тамошняго общества, а именно княжны М. и В. Гагарины, А. И. Языкова, А. М. Метальникова, Р. Н. Лутковская, Л. И. Сусокова. Гг. В. Черниковъ, Вагнеръ и Языковъ; nobilѣе всѣхъ привлекъ своею блестящею игрою на скрипкѣ, князь И. П. Трубецкой.

Въ маѣ мѣсяцѣ, Московскій балетъ лишился двухъ молоденькихъ танцовщицъ, одна изъ нихъ А. Елисеѣва во время представленія балета «*Наяда и рыбакъ*», по неосторожности подошла близко къ лампѣ находившейся за кулисами и на ней вспыхнулъ тѣсникъ, однако-жъ не смотря на пособіе и полное стараніе врачей Екатерининской клиники спасти несчастную, антоновъ огонь послѣ обжога щеки взялъ свое и дожегъ страдалицу. Замѣчательно, что не смотря на антоновъ огонь и четырехдневное пребываніе во гробѣ въ лѣтнее время, лице ея въ день отпѣванія сохранило поразительную миловидность и свѣжесть двадцатилѣтней красавицы. Другая А. Пѣшкова; эта молоденькая тан-

цовщица съ самаго вступленія на сцену, по выходѣ изъ школы общала быть замѣчательной танцовщицей, но чашотка очень скоро свела ее въ могилу.

Въ Одессѣ, недавно далъ концертъ г. Сеймуръ-Шиффъ съ большимъ успѣхомъ, концертъ былъ составленъ прекрасно, въ немъ участвовали полный оркестръ г-жи Орехіа, и Делери и гг. Поцоллини и Ракитанскій, выборъ піесъ очень разнообразенъ, такъ что всѣ вкусы могли быть удовлетворены. Затѣмъ скажемъ нѣсколько словъ объ Иркутскѣ, и въ этотъ отдаленный городъ не забываютъ заглянуть смѣтливые артисты, гдѣ ихъ вполнѣ цѣнятъ больше, чѣмъ въ другихъ городахъ, пользующихся большимъ разнообразіемъ удовольствій. Такъ недавно иркутское общество наслаждалось двумя концертами, данными г. Совле, онъ былъ принятъ съ восторгомъ публикою собравшейся многочисленно. Г. Совле также побывалъ и въ Кяхтѣ, давалъ концертъ и тамъ былъ принятъ наилучшимъ образомъ, такъ, что онъ вѣроятно не будетъ разскаиваться такою дальнею поѣздкою.

Въ послѣднее время Ригу посѣтили многіе замѣчательные артисты. Первое мѣсто занимаетъ по-преимуществу артистъ С. Петербургскаго Императорскаго нѣмецкаго театра г. Брюнингъ. Этотъ превосходный комикъ, уже нѣсколько лѣтъ пользующійся любовью петербургской публики, сыгралъ различныя роли своего репертуара; особенно хорошъ онъ былъ въ шуткѣ-водевилѣ г. Саллинге: *Cosel Oderberger* и въ комедіи Скриба, переведенной на нѣмецкій языкъ: *Der Kamerdienner*; въ послѣдней піесѣ кромѣ г. Брюнинга въ роли камердинера Жермена отличилась г-жа Крацъ въ роли субретки Анеты. Также замѣчательнымъ явленіемъ были дебюты или лучше сказать такъ называемыя *Gastrolen*, извѣстнаго драматическаго актера Рота, который вмѣстѣ съ Девріентомъ считается первымъ трагикомъ въ Германіи. Г. Ротъ вышелъ въ первый разъ въ трагедіи: *Король Лиръ*, для втораго выхода г. Ротъ выбралъ роль совѣтника Дальнера въ прекрасной комедіи Ифланда: *Der Dienstpflicht* и этими двумя различными ролями доказалъ, что всѣ отзывы германскихъ критиковъ о его замѣчательномъ талантѣ были совершенно справедливы. Для бенефиса первой драматической актрисы рижской сцены г-жи Гиршъ давали трехактную комедію, переведенную съ французскаго: *An meines Herzens-Abgott* и фарсъ *Der Scandal im theater*, имѣющій нѣкоторое сходство съ французскимъ фарсомъ того же названія. Бенефисъ дѣтей любимаго и талантливаго актера Мейнгольда привлекъ много публики. Исполнена была піеска: *Der Kurmärker und die Picarde* преміло разыгранная малолѣтними Полеми и Линою Мейнгольдъ; послѣдняя очаровала всѣхъ своимъ голосомъ очень вѣрно поющимъ куплеты и бойкой, граціозной игрой. Затѣмъ слѣдовали отрывки изъ комедіи, водевилей и оперъ. Г. Яндерскій прекрасно прочелъ монологъ *Фауста*. Послѣ того даны сцены изъ *Лагеря Валерштейна*, и передъ воинами герцога Фридландскаго явилась прелестная испанка и протанцовала качучу. Валеска Нахтигаль, молоденькая граціозная танцовщи-

ца, вновь апажированная въ Ригу принадлежит къ хорошей школѣ и обладаетъ большимъ талантомъ; не менѣе прекрасно исполнила она краковякъ. Сцены изъ оперы: *Der Maurer und der Schlosser* и шутка *Sachsen in Preussen*, разыгранной дѣтьми Мейнгольдъ заключили занимательный и очень удачно составленный спектакль. Черезъ два дня послѣ этого бенефиса, представлена опера Алана: *Швейцарская жизина*, въ которой роль Бетли, занимала г-жа Гофманъ, прекрасная пѣвица и любимица рижской публики. Не менѣе любимые артисты г. и г-жа Петенкоферъ прѣстались недавно съ рижской публикой; они апажированы въ Брюппъ. Прощальный спектакль состоялъ изъ отрывковъ. Сначала данъ первый актъ *Эврипиды*, главную партію пѣла г-жа Петенкоферъ; затѣмъ 3-й актъ *Индры*, въ которой г-жа Петенкоферъ занимала роль трактирщицы Цигаретты. Арія пропѣтая г. Петенкоферомъ изъ *Волшебной флейты*, возбудила громкія рукоплесканія, очень понравились также дуэтъ изъ *Риголетто*, исполненный г-жею Гофманъ и г. Душиномъ и комическое тріо изъ оперы: *Полетъ орла*. Публика съ сожалѣніемъ проводила даровитыхъ артистовъ, доставившихъ много пріятныхъ минутъ, во время пребыванія своего на рижской сценѣ. Но пріѣздъ перваго комика дрезденскаго театра г. Редера немного утѣшилъ рижскихъ жителей. Г. Редеръ съ успѣхомъ явился въ комедіи: Раймунда *Расточитель* и въ комедіи: *Herr Purzel in Spanien*, въ этой піесѣ г. Редеръ танцевалъ *la Madrilaine*. Его веселая, непринужденная игра очень понравилась. Упомянемъ еще о двухъ бенефисахъ. Въ бенефисъ г. Яндерскаго дана драматическая сказка Шекспира: *Сонъ въ лѣтнюю ночь* съ любимой музыкой Мендельсона и великими лѣпными декораціями и костюмами. Въ слѣдующихъ затѣмъ двухъ актахъ вѣчно юнаго *Фрейшюца*, г-жа Гофманъ прекрасно сыѣла партію Анетты; въ роли Агаты дебютировала новая пріѣзжая пѣвица г-жа Аншюцъ. Въ бенефисъ г. Рота давали *Ричардъ III*, бенефициантъ былъ неподражаемъ въ роли *Ричарда*. Роль *Филипа въ Донъ Карлосъ*, *Гамлета*, *Людвика XI*, *Клавиво* и др. показали всѣ богатства его дарованія. Въ послѣднее время давали концертъ слѣпой піанистѣ Левикѣ и скрипачъ Топольскій. Игра Левикѣ напоминаетъ немного игру Шульгофа и отличается пѣжностью и пѣвучестью звуковъ. Топольскій также замѣчательный скрипачъ, онъ прекрасно исполнилъ очень трудныя варіаціи *Давида и Венеціанскій карнавалъ*.

ИНОСТРАННЫЙ ВѢСТНИКЪ.

Многіе парижскіе журналы возвѣстали объ апажементѣ Тамберлика на сцену Большой Парижской Оперы, теперь эти же самые журналы прибавляютъ, что знаменитый теппоръ не заключалъ еще никакихъ условій и уѣхалъ на дняхъ въ Римъ, а въ концѣ лѣта отправится въ Лондонъ; извѣстно также, что на зиму Тамберликъ пріѣдетъ къ намъ въ Петербургъ, а условія свои, если и заключилъ съ Парижской Оперой, выполнитъ не раньше будущей весны. Не смотря на нестерпимые жары и почти пустой городъ,

двѣ новыя піесы привлекли въ театръ публику, оставшуюся въ Парижѣ. Обѣ піесы извѣстныхъ авторовъ имѣли полный успѣхъ; вѣроятно онѣ явятся съ такимъ же успѣхомъ и зимой. Одна, данная на театрѣ *Gymnase Dramatique*, принадлежитъ перу Теодора Барьера и Канандю и называется *L'héritage de M. Plumet*; другая на театрѣ Водевилья: *Les Lionnes pauvres*, перу Эмиля Ожье и Фуссе. — Первая комедія отличается очень вѣрнымъ описаніемъ нравовъ. Французы утверждаютъ, что комедія давно уже не существуетъ, но театръ *Gymnase Dramatique* можетъ доказать противное давъ въ короткое время нѣсколько замѣчательныхъ піесъ, стоитъ только поименовать: *le Demi Monde*, *la Question d'argent* и *le Fils-naturel*. Дюма. Новая комедія Барьера имѣетъ одинъ только недостатокъ она слишкомъ растянута; но интрига ведена живо, лица очерчены мастерски, хотя сюжетъ и не совсѣмъ новъ. Плюме, старѣйшій очень богатый холостякъ и довольно простоватый малый, окруженъ безчисленными родственниками, мѣтящими каждый на его богатство. Шалунья племянница хочетъ женить Плюме на своей подругѣ, но родственники стараются всѣми силами воспрепятствовать браку. Одинъ изъ друзей богатаго холостяка изобличаетъ ихъ низкіе расчеты, жалъ только что для этого онъ выбираетъ средство, уже знакомое публикѣ въ *Мнимомъ больномъ* Мольера, *les Frères à l'épreuve* и мн. др. Онъ извѣщаетъ родственниковъ о внезапной смерти Плюме и когда тѣ не скрывая своей радости начинаютъ ссориться за ожидаемое наследство, мимо умершій выходитъ съ своей невѣстой и выгоняетъ дорогихъ родственниковъ. — *Les Lionnes pauvres*, Э. Ожье, піеса замѣчательная не только въ литературномъ отношеніи, но и по нравственной цѣли. Не примите львицъ г. Ожье за лоретокъ, или героинь полу-свѣта; въ новой піесѣ дѣйствуютъ жены адвокатовъ, капиталистовъ; авторы очень искусно поднимаютъ завѣсу съ многихъ тайнъ этого класса до того не извѣстныхъ, и доказываютъ, что тщеславіе и страсть къ роскоши губятъ не одну честную женщину. Нотаріусъ Поммо, человѣкъ пожилой и не богатый, женатъ на молоденькой прелестной женщинѣ, которую обожаетъ. Хорошенькая кокетка не можетъ жить безъ роскошныхъ нарядовъ, начинаетъ дѣлать долги и чтобъ скрыть истину отъ добряка мужа, рѣшается отвѣчать на любовь молодого адвоката Лекорнье, женатаго на милой, благородной женщинѣ. Г. Лекорнье отказывается женѣ въ самомъ необходимомъ, а покупаетъ г-жѣ Поммо шляпку въ 150 фр. и платитъ ей долги. Но наконецъ кошелекъ адвоката истощается, онъ проигрываетъ въ карты большую сумму. Онъ не можетъ удовлетворить г-жу Поммо, которая должна своей модисткѣ 10,000 фр. и ей остается прибѣгнуть къ помощи мужа, или отнести свои вещи въ *Mont de Piété*. Поммо сильно разсерженъ, но соглашается заплатить долги любимой жены. Молодая женщина, терзаемая угрызеніями совѣсти, падаетъ на колѣни и признается во всемъ, но подобныя дамы скоро утѣшаются; въ тотъ-же вечеръ г-жа Поммо отправляется блистать въ оперу, а бѣдный мужъ идетъ къ своимъ друзьямъ Лекорнье раздѣлить съ ними свою горе. Но когда Поммо хочетъ пожать руку адвоката, г-жа Лекорнье невольно его удерживаетъ. Это движеніе все obja-

связь несчастному. Оля дѣлаегь сцену своему сопернику, но потомъ успокоивается и грустно удаляется. «Онъ не переживетъ своего горя, говоритъ одинъ изъ его пріятелей, смотря съ сожалѣніемъ на блѣдную г-жу Лекорнье, изнемогающую такъ-же подъ бременемъ страданій. Піеса въ высшей степени трогательна и поучительна и при искусной игрѣ актеровъ выдержитъ очень много представленій. Первый комикъ театра Пале-Ройяль, Грассо, прекрасный таллантъ котораго давно оцѣненъ въ Парижѣ, уѣхалъ недавно въ Италію. Недавно вышла изъ печати презабавная книжка подъ названіемъ: *Грассо въ Италиі*; въ ней неподражаемый комикъ рассказываетъ въ письмахъ свое путешествіе; письма эти такъ занимательны, что выписываемъ одно изъ нихъ нашимъ читателямъ, именно четвертое, адресованное Гіацинту, такъ-же артисту Пале Ройяльскаго театра.

«Любезный другъ! Путешествіе мое, довольно пріятное сначала, чуть было не стоило мнѣ жизни. Да, мой милый Гіацинтъ, твой дорогой Грассо испилъ чашу наслажденій, вполнину приправленныхъ горькою полынью и узналъ тревоги и страданія съ тѣхъ поръ какъ вступилъ на землю Италиі. Бываютъ минуты, когда я желалъ-бы лучше сидѣть въ Монмартрѣ или Батиньолѣ, чѣмъ дышать воздухомъ Италиі.

Представь себѣ, въ Генуѣ, въ гостиницѣ, гдѣ я остановился, рядомъ со мной поселилась чета англичанъ, высшаго общества. Изъ скромности, не назову ихъ тебѣ, прибавлю только, что они выѣхали изъ Лондона во время перемѣны министерства, мужа принуждало составить кабинетъ, чтобъ замѣнить лорда Пальмерстона, такъ рассказала мнѣ зпатная англичанка. Надобно тебѣ сказать, что рыжая леди безъ ума отъ меня; за общимъ столомъ, сидя рядомъ со мной, она то играла моими волосами, то нашептывала мнѣ сладкія слова въ родѣ: *Furnished appartement, english spoken, love you* и проч. Фамиллярности эти мнѣ не нравились; не нравились онѣ также и мужу и въ одно прекрасное утро, онъ предложилъ мнѣ драться и обѣщалъ перерѣзать горло.

— Милордъ, отвѣчалъ, я, я пріѣхалъ въ Италію лечить свое горло, а вы: хотите мнѣ его перерѣзать. Это смѣшно, вы порядочный фарсеръ, *Vous etes un blagueur milord*, какъ говорятъ у васъ въ Англіи.

Послѣднія слова заставили его призадуматься, но вечеромъ, онъ отвелъ меня въ сторону и сказалъ: чтоже, будемъ мы завтра утромъ драться?

— Милордъ, возразилъ я, не распить ли намъ вмѣстѣ бутылку портвейна.

— Oh! yes! отвѣчалъ онъ, голосомъ Левассора, съ удовольствіемъ!

Мы пошли въ кафе, выпили двѣ бутылки, за которыя разумѣется я заплатилъ и простились дружелюбно. Я легъ спать въ надеждѣ что все копчено. На другой день мой англичанинъ, послѣ завтрака, снова отводитъ меня къ окну.

— А ваше горло?

— Что вы говорите, милордъ?

— Когда-же я перерѣжу ваше горло??

Fichtre! что это за человѣкъ! Вмѣсто отвѣта я предла-

гаю ему чашку кофе съ отличнымъ ромомъ, онъ принимаетъ съ удовольствіемъ. Выпивъ три чашки, ужасный бульдогъ опять задаетъ тотъ-же вопросъ и предоставляетъ мнѣ выбрать оружіе.

Я не долго выбиралъ и выбралъ оружіе бѣгства. Милордъ, сказалъ я, подождите меня на лѣстницѣ. За тѣмъ наскоро связалъ свои вещи и прочъ изъ Генуи.

Пріѣзжаю въ Падую и останавливаюсь въ отелѣ *della Cabessa negra*, или *Черной головы*, вѣдь ты не знаешь по итальянски. Трактирщикъ входитъ ко мнѣ съ листомъ, на которомъ расписываются путешественники, я беру перо, какъ вдругъ раздается голосъ моего англичанина; онъ спрашиваетъ не остановился-ли здѣсь прекрасный бѣлокурый иностранецъ. Злодѣй ѣхалъ по моимъ слѣдамъ! Что дѣлать? Я схватилъ листъ изъ рукъ трактирщика спрашивавшаго мое имя, и написалъ: Синьора Грассотини примадонна. Да, прибавилъ я, кокетливо взглянувъ на трактирщика, разнущаго ротъ отъ удивленія, я бѣдная, невинная дѣвушка, должна была переодѣться мужчиной, чтобъ избавиться отъ преслѣдованій ревнивца. Я изъ Неаполя—*Di Napoli*? Да, добрый толстякъ, *di Napolini Veder Napoli e poi morire!* прибавилъ я восторженно, теперь я въ безопасности, мнѣ нечего скрываться, не можете-ли вы достать мнѣ платье, болѣе приличное моему полу.—Хитрость удалась, но вотъ что случилось потомъ, я одѣлся синьорой, набѣдился, наругался, накиннулъ кружевной вуаль и былъ очень хорошъ, увѣряю тебя. Англичанинъ пропасть, онъ искалъ меня по всѣмъ гостиницамъ Падуй. Вечеромъ на дворѣ гостиницы собралась толпа парода и ко мнѣ явился импрессаріо Падуйскаго театра. Его примадонна убѣждала съ какимъ-то княземъ и несчастный импрессаріо слезно умолялъ меня заступиться ея мѣсто и пропѣть тотъ-часъ же *Норму*. Толстякъ трактирщикъ разболталъ о моихъ приключеніяхъ по всему городу. Я конечно послалъ импрессаріо къ чорту, но онъ не отставалъ и всѣ дилетанты Падуй, собравшіеся на дворѣ гостиницы шумѣли какъ бѣшеные. Меня схватили несмотря на сопротивленіе и повезли съ триумфомъ въ театръ. Вотъ въ подобныхъ то случаяхъ, надобно умѣть показать себя. Дилетанты были такъ увлечены, что восхитились-бы до безумія, еслибъ я протанцовалъ передъ ними качучу. Я совѣтовалъ импрессаріо попросить публику о списхожденіи къ синьорѣ Грассотини, которая будетъ пѣть *Норму*, хотя страдаетъ сильнымъ насморкомъ и смѣло выхожу на сцену. Ты знаешь, трагическіе жесты мой копекъ, на нихъ то я и рассчитывалъ. Начинаю арію: *Casta diva! Nom d'un petit bonhomme*, какой успѣхъ!

Вы не знаете во Франціи, что значитъ успѣхъ; во Франціи успѣха можно достигнуть постепенно, въ Италиі дѣло другое. Меня оглушаютъ рукоплесканіями, букеты сыплются отвсюду, одинъ падаетъ на пось и заставляеть меня чихнуть на самой блистательной руладѣ, я продолжаю однако пѣть и аплодисменты усиливаются. Послѣ знаменитаго *Qual cor tradisti* огромный вѣнокъ летитъ сверху и падаетъ мнѣ прямо на голову. Я проскакиваю въ него, какъ наѣзница изъ цирка въ свой обручъ и продолжаю свою арію. Меня вызываютъ 27 разъ и я посылаю поцѣлуй публикѣ. Не го-

ворю уже о сонетахъ, сцена была ими усыяна. Вотъ что можно назвать успѣхомъ! Всѣ жители Падун провожаютъ меня съ факелами до гостиницы; на лѣстницѣ меня уже ждалъ англичанинъ, онъ былъ въ театрѣ и узналъ меня. Милордъ надаеъ къ моимъ ногамъ, умоляетъ простить его за то, что принялъ меня за мужчину и хочетъ чтобъ я не премѣнно съ нимъ ужиналъ. Я не отказался. Ужинная, милордъ признался что онъ совсѣмъ не милордъ и никогда не устраивалъ кабинета. Это все были выдумки его жены, влюбившейся въ меня; онъ просто фабрикантъ пожеей въ Бирмингемъ, очень богатъ и кладетъ всѣ ножи своей фабрики къ моимъ ногамъ.

— А миледи? возразилъ я, вѣдь она пожалуй выцарапаетъ мнѣ глаза.

— Къ чорту миледи, отвѣчалъ онъ, я надѣну ей веревку на шею и продамъ на рынкѣ, когда приѣду въ Лондонъ. Каковъ! что мнѣ дѣлать. Завтра чуть свѣтъ бѣгу опростею въ Венецію *Venezia la bella* и готовъ обручиться съ Адриатическимъ моремъ.

Пожалуйста не показывай моего письма нашему директору Дормелю. Онъ захвораетъ при мысли, что я пѣлъ *Норму* въ Падунъ, и скажетъ, что я употребляю во зло свои средства. Въ слѣдующемъ письмѣ объясню тебѣ какъ выговаривается *nious!* по итальянски!»

«Грассо».

Послѣ веселаго письма остроумнаго комика Пале-Ройяля, намъ придется передать два печальныхъ извѣстія. Въ Лондонѣ скончалась герцогиня Орлеанская послѣ тяжелой болѣзни. Герцогиня отличалась необыкновенной добротой и умомъ и была всегда покровительницей наукъ и изящныхъ искусствъ. Другое извѣстіе не менѣе грустно: всѣ парижскіе журналы и газеты описали дуэль редактора газеты *Фигаро*, г. де Пена, подписывавшагося въ фельетонахъ псевдонимомъ *Немо*, съ подпоручикомъ Амьенскихъ стрѣлковъ. Причиной ссоры была статья г. де Пена, въ которой послѣдній описывая балъ у одного знатнаго лица выразился не много насмѣшливо о подпоручикахъ вообще. Но нѣкоторые офицеры приняли обиду на свой счетъ и г. де Пенъ получилъ нѣсколько вызововъ. Г. де Пенъ дрался съ подпоручикомъ Куртьелемъ и ранилъ послѣдняго въ руку; противники помирились и хотѣли разѣхаться, какъ вдругъ секундантъ г. Куртьеля г. Гіеннъ потребовалъ продолженія дуэли и получивъ отказъ, ударилъ г. де Пена. Поединокъ сдѣлался неизбежнымъ и на этотъ разъ г. де Пенъ упалъ тяжело раненный; его перенесли въ ближайшій трактиръ; куда тотчасъ-же приѣхали полицейскій комиссаръ съ помощниками изслѣдовать дѣло. Г. де Пенъ переносилъ ужасныя страданія, на вопросъ честно-ли происходилъ поединокъ, отвѣчалъ чуть дыша: «мы дрались честно!» Хотя г. де Пенъ очень опасно раненъ, но доктора надѣются его спасти.

Въ Парижѣ недавно появился въ печати новыи *concerto* для фортепіано, превосходнаго музыканта Куфрата, любимаго ученика Мендельсона. Это произведение серьезное, написанное въ строгомъ стилѣ нѣмецкой школы и напоминающее немного стиль Гайдна.

Въ Берлинѣ гоститъ теперь теноръ Дрезденскаго театра Тихачекъ; первый дебютъ его былъ въ роли *Фернандо Кортеса*. Пѣвица Фрассини простилась съ Берлинской публикой въ роли принцессы въ *Робертѣ* и въ *Донъ-Жуанѣ*. Недавно на королевскомъ театрѣ данъ особенный концертъ, въ которомъ всѣ главы Германскаго Союза явились въ качествѣ *маэстро*. Ни одна нота не имѣла права быть сыгранной, если не была написана царственной рукой. Вотъ программа: 1) маршъ Фридриха Вильгельма III; 2) увертюра изъ оперы: *le Roi pasteur*, Фридриха Великаго; 3) маршъ принца Людвига Фердинанда; 4) хоръ герцога Саксенъ Кобургъ

Готскаго; 5) три марша изъ оперы *Пиратъ*, послѣдней принцессы Виртембергской, принцессы Анны Прусской и принца Альберта; 6) военный маршъ короля Ганноверскаго.

Въ Вѣнѣ въ честь приѣзда герцога Саксенъ-Веймарскаго давали на придворномъ театрѣ *Трубадура*; и во второй придворный спектакль два дѣйствія изъ *Монтекки и Капулетти* и послѣдній актъ *Юлія и Ромео* Вакайя. Прекрасный контрабль г-жа Брамбилла-Марулли пѣла партію *Ромео*.

Въ Ганноверѣ будетъ дана въ скоромъ времени новая опера Маршнера: *Tyrsingsschwert*. Либретто написано Гротомъ и Роденбергомъ.

Въ Штетинѣ оперный сезонъ окончился *Орфеемъ*. Дѣятельность штетинской труппы достойна вниманія: въ самое короткое время поставлено 28 оперъ, изъ которыхъ 12 нѣмецкихъ, 7 итальянскихъ и 9 французскихъ, изъ новыхъ оперъ особенно поправились *Макбетъ*, Тауберта. Изъ артистовъ гостили пѣвица Англезъ де Фортунн, Іоганна Вагнеръ и пѣвецъ Анлеръ.

Въ Пестѣ ожидаютъ приѣзда г-жи Вярло, ангажированной на придворной театрѣ нѣсколько представленій. Говорятъ, что и г-жа Надежда Богданова ангажирована тамъ же.

Оперы Рихарда Вагнера запрещенныя съ 1849 г. на придворномъ Дрезденскомъ театрѣ теперь позволены. Для перваго раза будетъ данъ *Tannhäuser*; главную роль займетъ племянница композитора, берлинская пѣвица Іоганна Вагнеръ.

Въ Феррарѣ театральныи сезонъ открылся *Іоанною д'Аркъ* Верди. Болѣе другихъ отличилась примадонна Лунджа-Понти и баритонъ Орланди.

Въ Миланѣ будетъ осенью слѣдующій составъ труппы: примадонна, г-жа Лафонъ; теноры: Сорти и Корси, баритоны Орланди и Корти; бассъ Корнага; первая танцовщица Катарина Беретта.

Театральныи сезонъ въ Реджіо открылся *Травиатой*; лучше всѣхъ были примадонна Пенко и теноръ Граціани.

Въ Лондонѣ въ скоромъ времени составитъ третія итальянская опера, которая будетъ носить великолѣпное названіе *національной итальянской оперы*.—Теноръ Рейхардтъ пѣлъ недавно въ одномъ концертѣ, съ большимъ успѣхомъ новую *пастушью пѣсню*, Мейербера, ему вторилъ на скрипкѣ превосходный артистъ Піатти.

Въ Нью-Йоркѣ концерты Мюзара не имѣли-бы никакого успѣха еслибъ онъ не пригласилъ участвовать въ нихъ Вьетана и Тальберга. Концерты эти состоятъ изъ двухъ частей первая часть составлена изъ классическихъ произведеній, въ ней участвуютъ оба знаменитые виртуоза; вторая наполнена танцами, подъ управленіемъ самаго Мюзара. Большинство публики стремится теперь на музыкальные сеансы, удовлетворяющие всѣмъ вкусамъ. Итальянскую оперу посѣщаютъ довольно усердно, но весьма вѣроятно что это не долго продолжится и вотъ почему фельетонистъ газеты *le Courrier des Etats-Unis* слишкомъ раскритиковалъ нѣкоторыя оперы и не былъ допущенъ на слѣдующія представленія. Также участь постигла музыкальнаго критика газеты *Spirit of the Times*. Раздраженные фельетонисты рѣшились отомстить—купили билеты и явились въ театръ, по директоръ оперы предваренный заранѣе, выхлопоталъ у судьи приказъ объ ихъ арестованіи, что и исполнилось. Вотъ какъ въ Америкѣ директоръ оперы можетъ наказать тѣхъ, кто мѣшаетъ ему свободно дѣйствовать. Остается узнать не почтутъ-ли себя общество писателей оскорбленнымъ въ лицѣ двухъ своихъ членовъ и пожалуй объявятъ смертельную войну нынѣшнему директору итальянской оперы въ Нью-Йоркѣ.

МУЗЫКАЛЬНЫЯ СОЧИНЕНІЯ

изданныя и продающіяся въ магазинѣ

Ф. СТЕЛЛОВСКАГО,

бывшемъ Н. Кеца, въ Большой Морской, въ домѣ Лауферта № 27, въ С. Петербургѣ.

Pour le Piano seul.

(Для одного фортепiano въ двѣ руки).

CHOPIN, F. №15 Deux Polonaises op. 26.	1	30
« 16 Impromptu op. 29.		75
« 17 Nocturne (H-dur) op. 32 N 1.		60
« 18 Nocturne (As-dur) op. 32 N 2.		60
« 19 Quatre mazurkas op. 33.	1	30
« 20 Mazurka (H-mol) op. 33. N 4.		60
« 21 Valse brillante (As-dur) op. 34 N 1.		75
« 22 Valse mélancolique (A-mol) op. 34 N 2.		75
« 23 Valse brillante (F-dur) op. 34. N 3.		75
« 24 Marche funèbre op. 35.		40
« 25 Nocturne (G-moll) op. 37 N 1.		50
« 26 Deux Polonaises op. 40.		85
« 27 Polonaise (A-dur) op. 40 N 1.		60
« 27 Grande valse brillante op. 42.	1	—
« 29 Trois mazurkas op. 50.	1	—
« 30 Mazurka (As-dur) op. 50 N 2.		30
« 31 Deux nocturnes op. 55.	1	—
« 32 Berceuse op. 57.		60
« 33 Trois mazurkas op. 59.	1	40
« 34 Trois mazurkas op. 63.	1	15
« 35 Trois valse brillantes op. 46.	1	50
« 36 Valse brillante (Des-dur) op. 64 N 1.		50
« 37 Valse brillante (Cis-mol) op. 64 N 2.		60
« 38 Valse brillante (As-dur) op. 64 N 3.		60
« 39 Fantaisie-Impromptu op. 66.		85
« 40 Quatre mazurkas op. 67.	1	—
« 41 Quatre mazurkas op. 68.	1	—
« 42 Deux valse mélancoliques op. 69.	1	—
CHOTEK. Fantaisie sur Lucrezia Borgia et Torquato Tasso, op. 32.		— 85
CRAMER, J. B. Le petit rien. Pièce favorite		— 40
» La parodie. Rondeau		— 60
» L'Ambigu. Divertissement		— 70
» Harvest home. 5-me Divertissement.		— 50
» La retour du printemps. Divertissement		— 50
CRAMER, H. Quatuor de Rigoletto		— 60
CZERNY. Ch. Variations sur la valse de Beethoven. op. 12.		— 75
» Nouveau Galop, varié, op. 112		— 70
» Sonatines faciles et progressives avec le doigtés, op. 163. N 1. 2. 3. 4. 5. chaque		— 43
» Valse Autrichienne. variée, op. 203.		— 70
» Vorschule, op. 636. liv. 1. 2. 3. chaque	1	15
» Etude, op. 754 N 1		— 60
» Tocatta, op. 754. N 2.		— 60
» Tarantella, op. 754 N 3		— 60

CZERNY. Impromptu à l'Ecoissaise. Op. 574. N 4		— 60
» Romance, op. 574. N 5.		— 60
» Impromptu passionné, op. 574. N 6		— 60
» Rondoletto (F-dur)		— 50
» Variations sur un motifs du vaudeville: Die Fee aus Frankreich		— 70
» Instructions ou 100 Récréations musicales, doigtés et progressives à l'usage des premier commençants. Cah. 1, 2, 3, 4, chaque		— 85
* ДАРГОМЫЖСКИЙ. Фаузазія на оперу Жизнь за Царя.	1	30
* » Увертюра изъ оперы «Русалка»	1	—
* » Славянский танецъ	1	—
* » Цыганскій танецъ	1	—
* » Танцы русалокъ	1	—
DERWIES. Duo sans paroles		— 60
DIABELLI. Pollacca favorite de Keller, arrangée		— 40
» Bolero de Carafa, arrangée		— 40
DÖHLER. Th. Variations sur l'opéra: Montecchi ed i Capuletti, op. 3.		— 85
» Variations sur l'opéra: Sonnambula, op. 8.	1	—
» Dernière pensée musicale de Bellini, variée, op. 15.		1 15
» Nocturne, op. 24.		— 60
» Tarantelle, op. 39.		— 75
» Romance et Cavatine de l'opéra: la fille du Régiment. op. 40. N 3.		— 60
» Petite fantaisie sur la Norma, op. 40, N 4.		— 75
» L'Affinité. Mélodie, op. 44, N 3.		— 40
» Adieu de Schubert. transcrit, op. 45 N 3.		— 60
» Deuxième grande valse brillante, op. 47	1	50
» Brillante-Polka de salon, op. 51, N 1.	1	—
DOLGOROUKY. Halte de Caravane. Petit divertissement.		— 40
DREYSCHOCK. A. Trois Andante et Quatre Impromptu, op. 3.		— 40
* » Variations sur un thème Slavonois, op. 6.		— 60
* » La Campanella. Impromptu, op. 10		— 75
* » Mazurka, op. 14		— 50
* » Les adieux. Impromptu. op. 15.		— 85
* » Le vallon. Idylle, op. 26.		— 60
* » Galop favori		— 30
DUSSEK. La Consolation. Andante		— 50
» L'invocation. Rondeau		— 70
» Les adieux. Duo favori de Kelly en Rondo.		— 50
» Rondo alla Pollacca		— 50
» Chanson de la Comtesse de Southerland, en Rondo		— 50
» Deux airs connus variés. N 1. Chantons l'Hymen. N 2. L'Amour est un enfant trompeur		— 50
» Air «Je simple née au village» varié		— 50
» God save te king, varié		— 50

(Продолженіе въ слѣдующемъ №).

Печатать позволяется. С. Петербургъ, 30 мая 1858 года. Цензоръ В. Бекетовъ.

Въ типографіи Я. Гольсона.

Редакторъ М. РАППАПОРТЪ.
Издатель Ф. СТЕЛЛОВСКІЙ.